О.В.Гаман-Голутвина,
доктор политических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В контексте темы в первую очередь следует проанализировать особенности участия российских политических партий в последних по времени парламентских выборах. Статус выборов как атрибутивного элемента демократии дает основание рассматривать качественные характеристики избирательного процесса в качестве важных показателей доминирующих в российской политике тенденций. Анализ хода и результатов выборов депутатов Государственной Думы в 2003 г. позволяет прояснить существо процессов российского партогенеза.

Основные тенденции партийного строительства в России

Ход парламентской избирательной кампании и результаты выборов в Думу дают основание для вывода о серьезном кризисе сложившейся ранее системы парламентского и партийно-политического представительства. Важным проявлением этого кризиса стало значительное снижение роли идеологической идентификации: «идеологические партии» (как левые, так и правые) потерпели поражение перед напором нарочито деидеологизированных образований, совершавших активную экспансию по всем направлением и действовавших по принципу «хватай всех подряд». В этом отношении значительное число участников выборов выглядели как клоны «catch all party». Результатом использования этой тактики стал провал на выборах реально действующих партий и победа политических фантомов. Начав участие в избирательном марафоне с наибольшим рейтингом КПРФ потерпела сокрушительное поражение, отмеченное троекратным отставанием от «Единой России». Имевшие обоснованные надежды на преодоление пятипроцентного барьера СПС

и «Яблоко» оказались вне парламента, а наскоро сформированный за три месяца до выборов блок «Родина» (как виртуальное «Единство» на парламентских выборах 1999 г.) добился оглушительного успеха. То, что считалось уязвимым для классических партий (слабость организационной и региональной инфраструктуры, членской базы и партийного актива), стало конкурентным преимуществом в условиях виртуализации политического пространства.

Таким образом, прошедший тур избирательного цикла 2003 – 2004 гг. дает основания для еще одного вывода об усилении виртуализации российской политики, в том числе в области партийного строительства. Заметным проявлением этого тренда стало разрастание тенденции, неоднократно отмечавшейся российскими политологами (А.Соловьев, С.Пшизова, М.Афанасьев): на смену программам в качестве предметной основы коммуникации партий и избирателей приходят имиджи лидеров как наиболее экономный и электорально эффективный инструмент информации и коммуникации.

Особенностью российской версии глобальной тенденции виртуализации политики становится заметный разрыв между содержанием политической коммуникации и его инструментальным воплощением: в структуре имиджей добившихся электорального успеха политиков и партий преобладают виртуальные, а не реальные достоинства. Это обстоятельство имеет смысл рассматривать в контексте дискуссий относительно совместимости использования имиджа политиков и партий с идеями и институтами представительной демократии. Как известно, водораздел в этой дискуссии пролегает между теми, кто считает имидж преимущественно инструментом манипуляции (что чревато выхолащиванием смысла демократического института выборов), и теми, кто рассматривает его в качестве инструмента демократического контроля, осуществляемого электоратом над своими избранниками. Прошедшие выборы могут усилить позиции сторонников первой точки зрения.

Другим проявлением партийно-политического кризиса стал кризис лидерства и снижение значимости личностных качеств как фактора политического продвижения. Новые лица на политической сцене не появились, а те, что считались таковыми (Д.Рогозин, С.Глазьев), в действительности давно и хорошо известны как экспертному сообществу, так и избирателям.

В какой мере нынешний партийный кризис является неожиданным? На наш взгляд, этот кризис вполне закономерен в кон-

тексте предшествовавшей эволюции российских политических партий. Обозрение процессов партийно-политического структурирования в современной России, несмотря на значительную пестроту партийно-политического спектра, заставляет вспомнить известный анекдот: если военный завод начинает производить коляски, то они все равно напоминают пулемет. Или: сколько партий в России ни создавай, все равно получается КПСС.

К сожалению, многообразие партийного спектра и сегодня тяготеет к моноцентричной модели партийной организации, а новые политические институты на российской почве формируются под влиянием традиционной модели политической культуры.

Как российский партогенез выглядит в контексте мировых тенденций? Известно, что период утверждения российских политических партий в качестве активных участников парламентского представительства пришелся на время, которое в исследовательской литературе на Западе и в России характеризуется как период упадка партий. Однако внимательное рассмотрение суждения о закате партий подтверждает мнение экспертов в том, что мы наблюдаем не столько упадок партии как политического института, сколько серьезный кризис сложившейся в индустриальном обществе модели массовой идеологической партии. В условиях постиндустриального индивидуализированного общества функциональные и организационные характеристики классических партий претерпели существенные изменения, что, однако, не дает основания для прогноза об уходе института партий из политического процесса.

Кризис традиционных партий нашел отражение в формировании нового поколения – так называемых постмодернистских партий. Семейство их разнообразно и чрезвычайно пестро (картельные партии, всеохватные, электорально-профессиональные, медиапартии, минимальные, харизматические, клиентеллистские, партии-предприятия и т. д.). Как отмечают эксперты, сверхзадача всех этих образований – обретение нового дыхания в условиях маркетизации политического рынка и виртуализации политического пространства. Сказанное относится и к российским политическим партиям, несмотря на чрезвычайную краткость российского партогенеза в течение последнего десятилетия. Однако скорость политических процессов в России чрезвычайно высока. Неудивительно, что политико-коммерческое предприятие ЗАО «ЛДПР» было создано ранее «Форца, Италия» С.Берлускони, считающегося классикой жанра.

Отличительной чертой партий нового поколения эксперты считают изменение соотношения различных партийных функций. Традиционно партии выполняли такие функции, как социальное представительство, политическая социализация, коммуникация, мобилизация, рекрутирование политической элиты и, конечно, обретение политической власти. Сегодня часть этих функций взяли на себя другие институты. Так, СМИ выступают важнейшими агентами политической социализации и коммуникации, что дает некоторым исследователям основание для вывода, что в российских условиях СМИ де-факто действуют в качестве политических партий. Это положение не вполне точно отражает ситуацию, ибо и партии, и СМИ не являются самостоятельными политическими игроками, а выступают «ответвлениями» реальных центров политической власти. Властная вертикаль современного российского общества подобна трехуровневой пирамиде, на вершине которой – элитные группы, принимающие стратегические решения; в основании – массовые группы, являющиеся реципиентами принятых наверху решений. Срединный уровень занимают группы, призванные транслировать на массовый уровень принятые элитой решений. На наш взгляд, к этой категории можно отнести не только многочисленную когорту политтехнологов, но также представителей СМИ и политических партий.

Что касается иных традиционных партийных функций, прежде всего, социально-политического представительства, то в российских условиях эту функцию выполняют партии, находящиеся на флангах политического спектра – левые (КПРФ) и правые (СПС, «Яблоко») партии.

Функцию рекрутирования элиты российские партии не выполняют в принципе. Напротив, субъекты реальной власти, обладающие ресурсами (прежде всего исполнительная власть регионального и федерального уровня и крупный бизнес), используют институт партий в качестве электоральной машины как в ходе внутриэлитной конкуренции (как это было на парламентских выборах 1999 г., когда соперничали «Отечество» и «Единство»), так и для удержания власти перед лицом протестного электората. Именно эта функция – обретение и удержание политической власти – является главной и для нового поколения партий.

Таким образом, несмотря на радикальное изменение облика новых партий (организационной структуры, методов управления и продвижения и т. д.), их функциональное предназначение не претерпело радикальных изменений. Партии и сегодня функционируют в

качестве инструмента завоевания политической власти в условиях избирательного формата рекрутирования властного истеблишмента. На рубеже 1980 – 1990-х гг. монопольным субъектом партстроительства выступало государство. В течение последнего десятилетия к государству присоединились новые субъекты партстроительства, каковыми стали образовавшиеся в 90-х гг. олигополии, или политико-финансовые кланы.

Политический плюрализм обрел формат жесткой внутриэлитной конференции этих новых субъектов политического поля. Последние, как известно, приобрели характер многофункциональных самодостаточных образований замкнутого контура наподобие квазифеодальных образований. Они стали обладателями собственных промышленного и банковского потенциала, империй массмедиа, информационно-аналитических служб и служб безопасности и т. д. В соответствии с модным в начале 1990-х гг. слоганом «Купи себе немного “Олби”» эти образования обзавелись политическими партиями. Таким образом, тогда изменился характер монополии, но не ушел сам монопольный принцип разделения политического рынка: в качестве монополистов на протяжении второй половины 90-х гг. выступали исполнительная власть и новые олигополии.

В контексте российской многопартийности так называемые партии власти не являются исключением. По своей природе, задачам и характеру они выражают интересы не государства, а той группировки, которая в конкретный момент находится у власти. Отсюда и недолговечность партий власти. Причины этой недолговечности не в том, что эти партии создавались нелюбимым народом «начальством», а в том, что «начальство» периодически менялось, и вместе с ним сходила со сцены его клиентура в лице партийного аппарата. При этом последний плавно перетекал из ДВР в НДР, из НДР в «Единство» и т. д. Тесная связь с госаппаратом «партий власти», на которые исполнительная власть сделала основную ставку при формировании пропрезидентского большинства в новой Думе в ходе выборов 2003 г., дает основание для идентификации этих партий с моделью картельных партий, описанных Р.Кацем и П.Маиром[1].

Парламентские выборы 2003 г. в полной мере высветили новую тенденцию: монополизацию партийно-политического поля

[1] *Katz R., Mair P.* Changing Models of Party Organization and Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. N 1.

партийной клиентурой федеральной бюрократии и достижение ею приоритета по отношению к спонсируемым крупным бизнесом партиям. Эта тенденция стала проявлением доминирования федеральной вертикали по отношению к крупному бизнесу: прессингу подверглись не только олигархи, но и их партийная клиентура.

До парламентских выборов 2003 г. в качестве наиболее вероятных альтернатив эволюции российской партийной системы рассматривались следующие. Первая – формирование полуторапартийной системы как многопартийной системы с доминирующей партией. Вторая – становление двухпартийной системы, в рамках которой конкурируют «партия власти» и КПРФ. После парламентских выборов 2003 г. очевидно, что первый вариант стал реальностью. Поэтому описанные тенденции правомерно рассматривать в качестве проявления более общей тенденции монополизации политического пространства федеральной исполнительной властью в рамках формирования моноцентрического политического режима.

Партии, элиты, регионы

Как отмеченные тенденции проявляются на региональном уровне?

Богатый материал для ответа на этот вопрос дают результаты исследования «Самые влиятельные люди России-2003. Политические и экономические элиты российских регионов», проведенного Институтом ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ) при участии большого числа независимых ученых и компетентных экспертов. Задачей исследования было изучение процессов формирования региональных политических и экономических элит страны (термин «элита» использовался в сугубо функциональном аспекте – в качестве определения сообщества лиц, принимающих ключевые стратегические политические и экономические решения)[1]. Целью проекта было определение основных *механизмов* и *каналов* рекрутирования региональных

[1] Автор этих строк была научным руководителем проекта и научным редактором опубликованного по итогам исследования почти 700-страничного издания. См.: Самые влиятельные люди-2003. Политические и экономические элиты российских регионов. М., 2004. 689 с.

элит в настоящее время и важнейшие характеристики их персонального и качественного состава.

Данное исследование является логическим продолжением и развитием как в количественном, так и в качественном отношении исследования, проведенного в 2000 г. (его результаты были опубликованы в журнале «Эксперт» № 38 за 2000 г.). В исследовании 2000 г. экспертным опросом было охвачено 54 региона, в исследовании 2003 г. – 66. В 2000 г. в каждом регионе было опрошено по 20 – 25 экспертов, всего – 1263 человека; в 2003 г. – по 25 – 50 в каждом регионе, а всего 1702 человека.

В то же время экспертный опрос 2003 г. – не просто расширенное повторное исследование 2000 г., но *качественно новый его этап*. Новизна исследования 2003 г. заключается в *концептуальном осмыслении* самих *механизмов* влияния властных групп на региональном уровне.

Исследование показало, что с точки зрения *институционализации влияния* властные группы как в центре, так и в регионах, распадаются на две категории – представители властных структур, занимающие постоянные оплачиваемые должности в структурах власти («бюрократы»), и «свободные художники», «вольные стрелки», которые не занимают формальных позиций в структурах власти, однако оказывают влияние на процесс принятия важнейших политических решений. Первая группа, безусловно, доминирующая, включает глав исполнительной, законодательной и – реже – судебной ветвей региональной и муниципальной власти, руководителей региональных силовых и специальных структур, территориальных органов федеральных ведомств, федеральных округов и т. д. Во многих субъектах Федерации рейтинг «бюрократов» – это персонифицированный рейтинг влияния властных структур. Удельный вес «бюрократов» в общей численности политического класса колеблется в пределах 70 – 90%.

Вторая группа – представители политических партий и общественных движений; лидеры общественного мнения; руководители негосударственных СМИ и важнейших учреждений науки, культуры, образования; представители духовенства.

Региональная политическая элита, прежде всего, «действующий контингент» исполнительной и, в меньшей степени, законодательной власти (депутаты Госдумы и Совета Федерации, региональных легислатур). Рассмотрение *партийно-политического* сегмента региональных элит показало, что *политические партии и*

общественные организации в качестве каналов рекрутирования элит в масштабе всей страны значительной роли не играют. Однако сопоставление итогов опроса 2003 г. с данными 2000 г. выявляет неожиданную тенденцию: *существенное увеличение партийно-политического сегмента в составе политико-экономических элит.*

Суммарное число влиятельных в политике представителей партий возросло к 2003 г., по сравнению с 2000 г., почти в 6 раз; в экономике – почти в 8 раз. Структурный анализ партийного сегмента показывает, что его рост обеспечен, прежде всего, за счет количественного и качественного роста представительства «Единой России», СПС и в меньшей степени КПРФ. Число членов ЕР в политике выросло в 10 раз; в экономике – в 8,7 раза. Соответствующие показатели для СПС составляют 9,3 и 13,6, а для КПРФ – 4,6 и 7 соответственно (см. табл. 1).

Таблица 1

Число представителей партий, названных влиятельными в политике или экономике

При этом удельный вес «единороссов» в корпусе влиятельных политиков из партий увеличился почти в 2 раза, составив

Партия	Влиятельные в политике представители партий	Влиятельные в экономике представители партий
«Единая Россия» (суммарное число политиков, вошедших в блок)	13*/133	9/79
КПРФ	25/115	5/35
ЛДПР	5/11	2/4
СПС	6/56	3/41
«Яблоко»	11/29	2/8

40%; удельный вес СПС увеличился с 10 до 16%, тогда как удельный вес коммунистов снизился с 42% в 2000 г. до 33% в 2003 г. Упал удельный вес партийных политиков из «Яблока» и ЛДПР. Таким образом, основной рост «партийного влияния» достигнут за счет ЕР и СПС (см. диаграммы 1, 2)

* В числителе результаты исследования 2000 г., в знаменателе – 2003 г.

Диаграмма 1

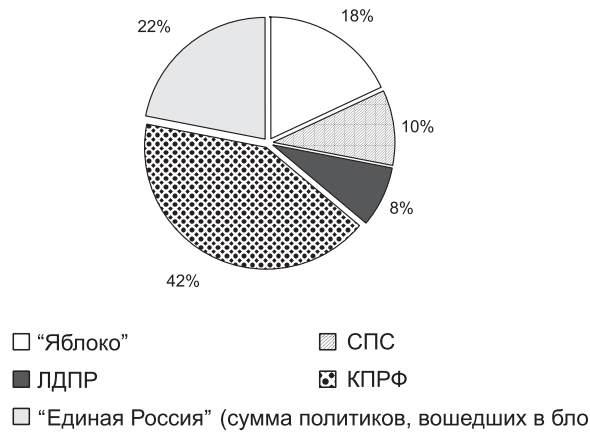
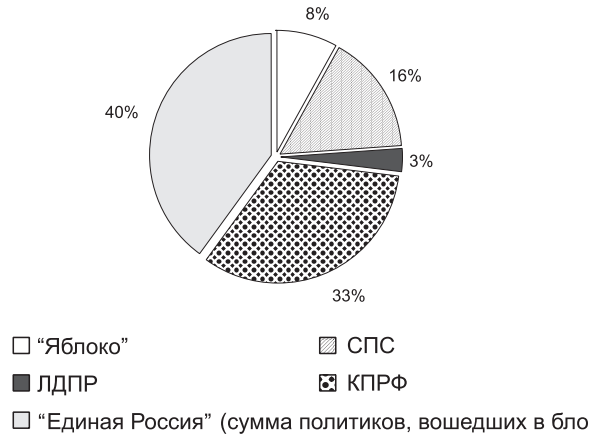

Диаграмма 2

Динамика изменения влияния партийных представителей в экономике аналогична: рост удельного веса представителей партий в корпусе влиятельных в экономике лиц достигнут также за счет ЕР и СПС, тогда как представительство КПРФ, ЛДПР и «Яблока» в рамках партийного спектра снизилось (см. диаграммы 3, 4).

Диаграмма 3

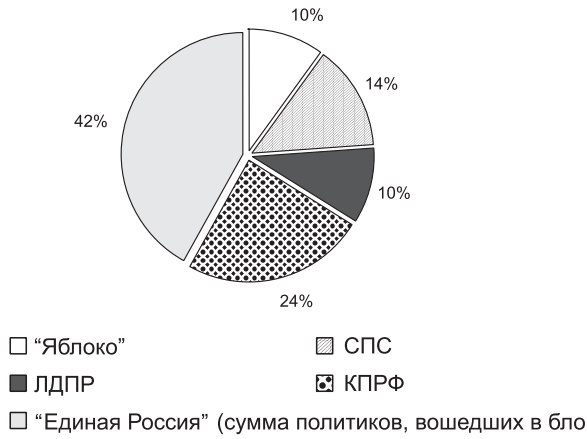
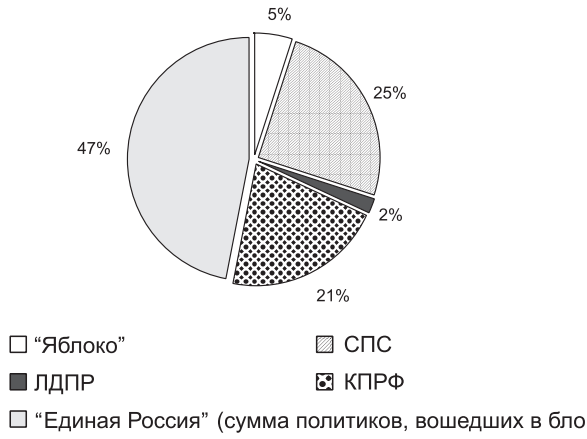

Диаграмма 4

На наш взгляд, рост удельного веса «партийцев» в составе региональных элит объясняется не столько ростом влияния в субъектах Федерации *института* партий, сколько организационно-политическим укреплением «Единой России». Не случайно именно эта партия дала наибольший прирост удельного веса своих членов в составе элиты и именно ее удельный вес в рамках партийного сегмен-

та возрос в наибольшей степени. Укрепление ЕР обусловлено ее эволюцией в качестве модификации прижившейся в России модели «партии власти» (предшественницы ЕР в этом качестве – ДВР и НДР). Принципиальная особенность этой модели – тесная связь с госаппаратом. Связь ЕР с исполнительной властью стимулирует приток в ее ряды лиц, обладающих значимым политическим и экономическим статусом в региональном управлении и бизнесе. Поскольку «Единство» было создано непосредственно перед парламентскими выборами 1999 г., тогда эта структура была представлена в основном малоизвестными лицами. К выборам 2003 г. «Единая Россия» подошла как полноценная «партия власти», мобилизовавшая под свои знамена другую бюрократическую квазипартию (ОВР) и призвавшая в свои ряды значительное число статусных фигур. В избирательных списках ЕР фигурировали более 70 региональных руководителей. В состав парламента по итогам выборов 2003 г. вошло значительное число региональных чиновников и бизнесменов.

Интеграция региональных начальников в партийные структуры «Единой России» дает пример обратной, по отношению к классическим канонам партийно-политического представительства, тенденции: региональные отделения ЕР не столько являются каналами политического продвижения новичков (хотя это тоже имеет место), сколько используются влиятельными региональными политиками и предпринимателями для упрочения своих позиций и укрепления связей в федеральных структурах власти. Происходит взаимовыгодный обмен ресурсами: влиятельные региональные политики и предприниматели конвертируют часть своего ресурса в поддержку «партии власти» на региональном уровне, получая в обмен поддержку федерального центра. Примеры подобного переплетения политических институтов дает деятельность «Единой России» во многих регионах, где в ее структуры входят лица, занимающие статусные должности во властных и бизнес-структурах. С учетом специфики ЕР это означает *рост влияния федеральной исполнительной власти на процессы формирования регионального руководства и региональный политический процесс в целом*.

Результаты губернаторских выборов 2003 г. и выборов депутатов Госдумы, как по партийным спискам, так и по одномандатным округам, полностью подтвердили это суждение. В одномандатных

округах в максимальной степени очевидно возвышение федеральной административной вертикали по отношению к региональным администрациям. Выборы депутатов Госдумы в одномандатных округах завершились беспрецедентной победой «партии власти»: в 221 округе победили 103 кандидата «Единой России», 18 кандидатов «Народной партии» и 65 «независимых кандидатов», которые в действительности были «запасным полком» «партии власти».

В этой связи известный аналитик Р.Туровский обоснованно отмечает, что большинство победителей из числа кандидатов «Народной партии» и «независимых» имели статус кандидатов «партии власти», согласованных с Кремлем[1]. Между тем кандидаты от оппозиции, прежде всего от КПРФ, смогли победить лишь в 12 округах; многие статусные оппозиционные политики, непрерывно заседавшие в Думе не один срок, потерпели поражение. При этом именно федеральный административный ресурс стал решающим в обеспечении победы кандидатов в одномандатных округах; губернаторских ставленников в новой Думе стало заметно меньше.

Рост влияния Союза правых сил можно объяснить тем, что его идеологические позиции во многом близки официальной идеологии. Это определяет влияние представителей этой партии в политике и экономике (достаточно упомянуть имя А.Чубайса, который обладает высоким уровнем влияния как на федеральном, так и на региональном уровне).

Что касается КПРФ, то рост числа влиятельных в экономике представителей этой партии незначителен на фоне впечатляющих аналогичных показателей ЕР и СПС. Удельный вес сторонников КПРФ в корпусе влиятельных представителей партий падает. Это отражает общую тенденцию снижения присутствия и влияния коммунистов в структурах региональной власти. При поддержке КПРФ ранее был избран ряд глав субъектов Федерации (губернаторы Курской области А.Н.Михайлов, Тульской В.А.Стародубцев, Владимирской Н.В.Виноградов и др.). В настоящее время члены КПРФ или ее сторонники составляют примерно пятую часть губернаторского корпуса. Этот факт (наряду с избранием в Госдуму и региональные парламенты депутатов-

[1] *Туровский Р.*Основные результаты выборов в одномандатных округах // www. policom.ru. 2003. 21 дек.

коммунистов) иллюстрирует продвижение к вершинам региональной власти по партийно-политическим каналам.

Пример влияния общественно-политических организаций в качестве канала политического продвижения дает политический процесс в Краснодарском крае: ряд входящих в рейтинг политического влияния лиц состоят или ранее состояли в движении КОПД «Отечество (Кондратенко)», а действующий губернатор края А.Н.Ткачев победил на выборах 2001 г. в качестве преемника Н.И.Кондратенко, подтвердив свой успех на повторных выборах в марте 2004 г.

Комментируя присутствие сторонников КПРФ в составе регионального руководства, следует отметить ряд положений. Во-первых, число губернаторов, избранных при поддержке оппозиционных политических партий, снижается; перспективы же переизбрания в качестве кандидатов от оппозиции проблематичны. Не нашедшие общего языка с Кремлем губернаторы вряд ли могут рассчитывать на успех. В этом отношении показательна ситуация в Кировской области. Имевший репутацию сторонника КПРФ бывший губернатор Кировской области В.Н.Сергеенков, против переизбрания которого выступил Кремль, вынужден был отказаться от участия в губернаторских выборах: под давлением Москвы в сентябре 2003 г. областной парламент отказался вносить поправки в устав области, разрешающие Сергеенкову баллотироваться на третий срок. Поддержанные Кремлем кандидаты (включая победившего на выборах Н.Шаклеина), ранее известные как приверженцы левых идей, участвовали в выборах под знаменами «Единой России». Сергеенкову не удалось избраться даже депутатом Госдумы.

Ориентированные на переизбрание губернаторы стремятся заручиться поддержкой не только федеральной власти, но и бизнес-структур, обоснованно рассматривая их в качестве важного, а порой решающего условия успеха. Так, в переизбрании волгоградского губернатора Н.К.Максюты, известного как сторонника КПРФ, эксперты видят победу «нерушимого блока коммунистов, Газпрома и Лукойла». Поддержка Газпрома и Лукойла стала решающим фактором победы на выборах астраханского губернатора А.П.Гужвина и архангельского А.А.Ефремова. Переизбрание самарского губернатора К.А.Титова поддержал ЮКОС.

Кроме того абсолютное большинство губернаторов-коммунистов «встроены» в существующую систему власти: в текущей управленческой деятельности, а также в отношениях с федеральным

центром они, как правило, избегают идеологизации. Сегодня в оценке власти население руководствуется функциональным критерием, ценит прежде всего объективные результаты хозяйственной деятельности, а не лозунги. Иначе говоря, на смену идеологии приходит прагматизм. Точнее, прагматизм является идеологией.

В этом плане показателен пример губернатора Владимирской области Н.В.Виноградова, который пришел к власти при поддержке КПРФ. Эта партия имеет в регионе наибольшую поддержку: каждый третий из списка влиятельных политиков области – активный сторонник КПРФ. Вторая политическая сила в области – «Единая Россия», причем, как отмечают эксперты, формирование политического руководства регионального отделения этой партии происходило при активном участии сторонников КПРФ, занимающих высокие посты в областной администрации. По существу опорой губернатора являются две политические силы – КПРФ и «Единая Россия». При этом Виноградов и другие избранные при поддержке КПРФ губернаторы вполне лояльны центру, а их политика соответствует стратегическому курсу федерального центра. Аналогичные процессы фиксируют эксперты в Волгоградской области: известный как сторонник КПРФ губернатор Н.К.Максюта энергично поддерживает усилия «Единой России» по расширению в области базы своей электоральной поддержки.

Подтверждает вышесказанное и пример А.Н.Ткачева: будучи избранным в 2001 г. губернатором как преемник Н.И.Кондратенко и позиционируя себя в этом качестве на первом этапе правления, он затем в течение короткого времени уволил назначенцев бывшего губернатора из областной администрации (в настоящее время в списке влиятельных лиц остался только сам Кондратенко) и является фигурой, безусловно, лояльной федеральной власти.

Еще более красноречив пример губернатора Нижегородской области Г.М.Ходырева (он руководил областью еще в советский период), занявшего эту должность при поддержке КПРФ и покинувшего ряды этой партии после избрания.

Такая же картина и в других регионах. На парламентских выборах 1999 г. «официальный» оппозиционер губернатор А.М.Тулеев (занимавший четвертое место в списке кандидатов от НПСР на выборах в Госдуму) обеспечил «Единству» 37% голосов поддержки в своем регионе в обмен на помощь Москвы в борьбе с

экономическим конкурентами, в частности, в лице группы «Миком». Если тогда подобная «загогулина» была редкостью, то сегодня – уже тенденция. На выборах депутатов Госдумы в 2003 г. Тулеев открыто поддержал ЕР и обеспечил победу трех кандидатов от этой партии в своей области, а губернатор Орловской области Е.С.Строев возглавил региональный список «Единой России» на парламентских выборах.

В целом губернаторы-коммунисты активно способствовали успеху на выборах кандидатов от «партии власти». Эксперты обоснованно отмечают, что это особенно заметно в регионах Центрального федерального округа, значительную часть территории которого относили прежде к «красному поясу», где ранее побеждали кандидаты КПРФ.

Результаты парламентских выборов 2003 г. в одномандатных округах Центрального федерального округа резко отличаются от итогов прошлых выборов: «Все эти округа достались "партии власти", что стало результатом жестких договоренностей центра с местными губернаторами (в том числе с губернаторами-коммунистами)... Выборы показали, что "красные губернаторы" перестали существовать как класс. Их главной целью стало переизбрание на третий срок, ради которого они готовы на любые сделки с Кремлем. И провал сильных коммунистов в соответствующих округах можно считать частью этой сделки... Владимирская область стала единственным регионом, где губернатор-коммунист обеспечил победу своей партии в обоих округах»[1].

Значение остальных партий, кроме КПРФ и ЕР, в качестве каналов политического продвижения в российских регионах невелико, хотя их представители в рейтинге политического влияния присутствуют. При этом, несмотря на незначительную политическую роль, региональные отделения политических партий (а до принятия нового Закона о политических партиях и региональные) в субъектах Федерации продолжают активно создаваться, причем, как правило, по инициативе и/или при участии региональных властей и/или бизнеса. Причины очевидны: влиятельные федеральные и региональные политико-экономические сообщества рассматривают политические партии в качестве эффективного инструмента достижения электорального успеха.

---

1 *Туровский Р.*Основные результаты выборов в одномандатных округах // www. policom.ru. 2003. 21 дек.